

**"KEEP SMILING": АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД
НА РУССКУЮ ПРИВАТНУЮ РЕЧЬ**

Читая книгу "Русские разговоры" (кстати говоря, переведенную блестяще) я ловила себя на том, что мое восприятие текста перемещается от научной рефлексии над исследованием, очень близким мне по теме, проблематике и подходам, к эмоциональной реакции на критику российской жизни конца XX в. Эмоция возникала в ответ на оценку, вмонтированную в авторский дискурс. Причем оценка, как справедливо замечает исследовательница, – это "американский" взгляд на российскую жизнь. Оценка – проявление американского публичного дискурса, в котором парадоксально, на мой посторонний взгляд, уживаются идеология приватности и убежденность в праве на оценку (и вмешательство, добавлю) в чужую жизнь, поскольку "мы знаем, как жить правильно".

Сочетание интересного исследовательского приема и вместе с тем оценки, переключающей книгу из научного жанра в жанр публицистики, обеспечивает сложное, противоречивое и одновременно, несомненно, заинтересованное восприятие книги российским читателем. Пишу я это лишь потому, чтобы иметь возможность высказаться непредвзято по поводу исследовательской тактики работы, отодвинув на какое-то время в сторону оценки, в ней скрытые или явно выраженные.

Итак, почему мне нравится работа Н. Рис?

Во-первых, потому что современность России рассматривается в ее связи с традиционными культурными моделями. Мне близка мысль, что традиционная "архаика" – стереотипы поведения и ментальные установки, изучаемые отечественными антропологами, фольклористами и этнографами отстраненно, как формы ушедшей культуры, – в действительности в значительной степени составляет актуальное настоящее российской практики. Изучение русской "народности" в веке девятнадцатом разрешилось экспансией этой самой отнюдь не до конца понятой народности на социальную территорию "исследователей". Но фактически за время "народной" власти став носителями собственных ей стилей жизни, мы ("исследователи") сохранили привычку смотреть на "народный" габитус через перевернутый бинокль: как на нечто, от нас далеко отстоящее.

Я глубоко благодарна автору за обоснованную фактами констатацию наличия "патриархических" и патриархальных укладов в современной российской практике. Осознание архаического в своем собственном поведении – единственный способ изменения. Книга Н. Рис позволяет читателю увидеть себя со стороны, причем с той стороны, с которой он не привык себя разглядывать.

Во-вторых, книга дает возможность увидеть значительный слой российской приватной жизни – разговоров интеллигенции – посредством описания их содержания. Исследование, построенное на "первичном" материале, всегда больше и значительнее тех выводов, к которым может прийти на его основании сам автор. Мне кажется, что работа Н. Рис обладает именно таким – перспективным – научным потенциалом. Она открывает новое исследовательское поле, предлагая новые темы. Например, речевые жанры названы (похвальба, "завистливые" истории, «истории на тему "мужчины опасны"», с. 79) книги Н. Рис), но ждут своего дальнейшего описания: устные нарративы, ориентированные на житийный жанр замечены, однако с традицией русской житийной литературы не сопоставлены, и разработка этой важной для понимания российского современного менталитета проблемы также впереди.

После выхода первого – англоязычного – издания книги на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге было устроено ее обсуждение. В нем участвовала сама Ненси, петербургские антропологи, лингвисты, фольклористы. Удивило меня в этом обсуждении то, что лингвисты не видели существенно нового в этой работе. Поминали Бахтина и Остина и говорили о том, что все это известно давно. Однако понятие речевого жанра было введено М.М. Бахтиным лишь теоретически. Развитие его методологии осталось в пределах литературоведения: бахтинология стала теорией литературы, но не методологией изучения речевого поведения, основанной на теории "речевого поступка". А теория речевого акта, оказавшая огромное влияние на развитие лингвистической прагматики, в том числе и российской, тем не менее не обеспечила науку системным описанием речевых актов как композиционных, тематических и дискурсивных единств. Подобного рода работа была сделана применительно к русскому фольклору, но на других основаниях. Классификация жанров устной фольклорной речи складывалась преимущественно на базе формальных (композиционных, поэтических) показателей и строилась по аналогии с классификацией аристотелевской (лирика – эпос – драма).

Применительно к русской культуре исследование Н. Рис оказалось первой попыткой описания жанров устной разговорной речи, построенного на самостоятельном сборе речевого материала и сквозном анализе "речевой массы", основанном на двух показателях – топике и композиционной организации. Да, разумеется, для создания исчерпывающего описания далеко, однако это – первый опыт такого рода.

В-третьих, книга эта мне нравится, потому что автором увидено очень много из того, что скрывается от привычного взгляда. Я бы сказала так: увидено справедливо. Например, тема "безнравственности" материального благополучия, общая для русского дискурса и точно схваченная, описывается Н. Рис непредвзято. Не могу удержаться: так, как если бы она выросла вне христианской культуры и никогда не знала евангельского текста о верблюде и игольном ушке.

Для российского менталитета, своим языком в значительной степени обязанного православию, отношение богатства, социальной успешности и духовности – проблема. Об этом много писали русские философы, обсуждая русский тип религиозности и его отличие от западного – католического и протестантского (Карсавин, Флоренский, Булгаков, Федотов, Ильин и др.). Н. Рис показала, как та же проблема живет в "теле" русской речевой и культурной практики, допускаю, не подозревая о существовании этой проблематики в российской философской традиции. Но такое совпадение делает выводы антрополога лишь более убедительными.

Кстати, – и это соображение уже в развитие темы, предложенной Н. Рис, – существует практическое разрешение противоречия духовности и материального благополучия – благотворительность, являющая в русском дискурсе еще одну сторону столь важного для исследовательницы и, согласимся, для нас концепта жертвы – жертвовальность. Я думаю, что тема социального альтруизма, отмеченная автором преимущественно в отношении разговоров об Андрее Сахарове, при ее столь же чуткой фиксации, могла бы показать, как компенсируется топика жертвы-объекта. И здесь могла бы помочь лингвистика, в этом случае – семантика. В русском языке "жертва" – не только субъект страданий (невинно пострадавший человек: "жертва обмана", "жертвы террористического акта"). Понятие "жертва" утратило свою активность лишь в официальном языке "совдепа" и в порожденном на его останках языке СМИ. Но сохраняется и другое значение жертвы – акт добровольного дара: "молитва – жертва вечерняя", "жертвовать на храм". Жертва – активное сознательное действие альтруистического порядка, жертвовать можно не только кем? чем? – родительный падеж, но и – что? – винительный падеж.

Тему активности-пассивности русских отношений к обстоятельствам могла бы поддержать и грамматика. Рассмотрение себя скорее как объекта воздействия внешних сил, чем как субъекта действия, имеет формально языковое выражение в виде предпочтения пассивного залога активному: "я думаю" – "мне кажется", "я должен" – "мне

нужно". Это обстоятельство русской речи достаточно подробно рассматривала Анна Вежбицка, на которую автор ссылается, но в отношении другого вопроса (с. 228).

Теперь о том, что меня смущает в книге Н. Рис. Я вижу в ней и определенное противоречие, точнее – набор противоречий, наличие которых связано, как мне кажется, с противоречием между идеологией автора и принятой ею теоретически методологией. С одной стороны, Рис декларирует подход, в соответствии с которым речевое поведение есть структурирование реальности, ее создание. "Говорение во всех видах и формах – есть ключевая составляющая *производства* (курсив мой. – С.А.) социальных парадигм и практики..." (с. 23). Речь производит действительность, – понимаю я, укрепляясь в своем понимании ссылками автора на Пьера Бурдьё.

С другой стороны, описывая представление о языке как "богатстве и силе", автор перестает находить привлекательной ту же самую мысль, взятую уже не как исследовательский подход, но как культурный концепт, как идеологию (а представление о языке как силе, действительно, значимая для российского менталитета идея) (с. 73, анализ текста Татьяны Толстой). Рассмотрение речевой практики как реакции на глобальные социальные процессы, т.е. как их следствия, а не их причины, просматривается в выводах автора: Один из аспектов самоидентификации народа как раз и строится на преклонении перед этой способностью наделять богатым смыслом такие малые материальные ресурсы, которые "они" – элита, европейцы или любая другая группа, владеющая "вещами", – сочли бы просто ничтожными. Самый главный из этих ресурсов – язык, ибо то, что нельзя изменить в материальном мире, можно преобразить в речи (с. 245).

Н. Рис видит в речи компенсаторную функцию, а не жизнестроительную, речь реагирует на обстоятельства, но не создает их.

Смущает убежденность автора в том, что люди всегда ведут себя "как-то", имеют косвенные прагматические цели, особенно "при женщине-американке" (интересно, что, конструируя внешний взгляд, Н. Рис называет себя именно американкой, а не иностранкой). Любые формы выражения моих соотечественников интерпретируются как выражения, рассчитанные на постороннюю, ее Н. Рис, оценку. Всем говорящим автор приписывает скрытую цель: произвести впечатление не на слушателя вообще, а на нее именно: "Писатель Андрей, сильно переигрывая в моем присутствии", "собеседникам доставляло особое удовольствие рассказывать такие вещи американке". И если постоянно отмечаемое антропологом акцентирование ее гражданства справедливо, то не менее справедливо задаться вопросом о том, почему это происходит, как связаны темы разговоров с конструированием собеседниками друг друга. В определении Бахтина: "Кому адресовано высказывание, как говорящий ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и, в особенности, стиль высказывания. Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою концепцию адресата" (Бахтин 1986: 250).

Не видя в работе никакой аргументации при квалификации иллокутивных намерений говорящих, кроме замечаний, приведенных мной выше, я готова предположить, что автор проецирует собственные коммуникативные установки на собеседника. Определение цели "говорения" – прямая задача исследователя, занимающегося речевым жанром. Какое именно впечатление хотели произвести на Рис ее собеседники? Иными словами, какого "перлокутивного эффекта" они добивались? Важен и интересен зазор между целью говорящего и тем речевым жанром, который предложен ему собственной языковой культурой для достижения его цели.

М.М. Бахтин выделял два уровня специфики жанра – внешний и внутренний: "Произведение занимает определенное, предоставленное ему место в жизни своим реальным звуковым длящимся телом. Это тело расположено между людьми, определенным образом организованными" (Медведев 1928: 57). Тело формы существенно определяет тему, характеризующую внутренний уровень специфики. Каждый жанр обладает своими способами видения действительности: "существует действительность жанра и действительность, доступная жанру" (Бахтин 1986: 290). Бахтина интересовало отно-

шение между "телом" жанра и действительностью, доступной жанру, поскольку он считал, что организация речевого жанра как-то связана с организацией людей, посредством этого жанра взаимодействующих. Н. Рис поступает иначе: она называет жанры, не описывая их "тела", подробно описывает реальность, которая названным типам высказываний доступна, и после этого отождествляет реальность жанров с реальностью, в которой живут те, кто эти жанры использует.

Рис выделяет особый речевой жанр, тематически достаточно заметный – речевые периоды, повествующие о негативном (утратах, трудностях, бедах, злключениях) с заключительным риторическим вопросом или вздохом. Исходной точкой для его описания служит тема высказывания (с. 160 и далее). Мне приходилось неоднократно обсуждать этот феномен русской речи с коллегами из чисто практических соображений: как реагировать на жалобу в ситуации интервью? Во время полевых исследований в севернорусских деревнях мы сталкивались с тем, что коммуникация очень часто начиналась с жалобы на жизнь. Мы назвали эту форму речевого поведения "ритуальными сетованиями". Их нужно было просто выслушать, принять, не пытаясь включаться конструктивно. Принятие этой инициальной формы общения служит допуском к доверительной речи, допуском в приватное пространство межличностного общения, в котором возможны иные темы и иные вопросы.

Исследовательница называет этот тип говорения литанией/ламентацией и сопоставляет с традиционным плачем, молебном и поэтической декламацией. Но литания – это жалоба, а lamentация – причитание. И поэтически (формально), и прагматически – это разные дискурсивные формы. Крестьянские причитания были предметом моих собственных исследований¹. В частности, меня, как и Н. Рис, интересовала их прагматика. Причитание констатирует момент разрыва идентичности того или тех, кто переживает "переходное состояние". Здесь, в определении функции этого речевого жанра, мы с Н. Рис совпадаем. Но не менее важна и другая его функция: причитание – способ преобразования опыта, превращение настоящего в прошлое за счет изменения интерпретационного поля, переоценки ценностей, осуществляемых в акте причета. Это – конструктивный способ речевого поведения. Иными словами, это и есть способ активного действия, практическое разрешение травмы утраты. И именно по этой причине, поскольку она "нечто делает" с людьми, lamentация-причитание – ритуальный жанр.

Можно поблагодарить автора за уникальную работу: опыт описания жанров российской устной речи в тематическом аспекте. Исследование современной устной речевой практики, жанров бытовой и публичной речи, при наличии в отечественной науке богатой научной традиции, сложившейся вокруг изучения фольклора, с одной стороны, и вокруг поэтики литературных жанров, с другой, – задача, несомненно, плодотворная. Книга "Русские разговоры" дает возможность увидеть привычные филологические темы в непривычном для российского читателя социокультурном ракурсе и тем самым создает интеллектуальное и эмоциональное напряжение – необходимое условие работы научной мысли. Ее публицистическое значение не менее ценно – честно высказанное мнение о тебе самом дорогого стоит. С оценкой можно не согласиться, но сказанное слово уже стало частью мира, изменило его. И теперь придется иметь дело именно с таким русским миром: учиться контролировать в собственной речи жалобную интонацию.

Примечание

¹ Подробнее см.: *Адоньева* 1998: 63–85; 2004: 195–245.

Литература

- Адоньева* 1998 – *Адоньева С.Б.* Этнография северно-русских причитаний // Бюлл. фонетического фонда русского языка. Прилож. № 7: Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. С.-Петербург; Бохум, 1998. С. 63–85.
- Адоньева* 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 195–245.
- Бахтин* 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Медведев* 1928 – *Медведев П.М.* Формальный метод в литературоведении. Л., 1928. С. 157–183.